Пров 38

Вл. Н. Ивановскій.

АССОЦІАЦІЯ ИДЕЙ

и

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКІЙ АССОЦІАЦІОНИЗМЪ.

B
1551

Глава I.

Обзоръ литературы по исторіи ученія объ ассоціаціи идей и ассоціаціонизма.

> Полное опредѣленіе понятія ассоціаціи нуждается еще въ долговѣчныхъ изслѣдованіяхъ.
>
> *Г. Гефдингъ.* Философскія проблемы, рус. пер., М. 1904, стр. 2.

I.

Предварительныя замѣчанія.

Задача моей работы состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, чтобы показать многосмысленность понятія „ассоціація" и намѣтить различныя пониманія этого термина, различныя придаваемыя ему значенія, а во-вторыхъ, въ томъ, чтобы установить важнѣйшіе моменты въ исторіи основныхъ изъ этихъ его значеній. Работа моя вызвана сознаніемъ того, что въ этомъ направленіи сдѣлано до сихъ поръ слишкомъ мало. Почти всѣ писавшіе объ „ассоціаціонной теоріи" понимаютъ подъ ней нѣчто единое и односмысленное, то неотчетливо подразумѣвая подъ своими слишкомъ общими и неопредѣленными терминами всѣ ея различные аспекты, то выдвигая какую-либо одну изъ сторонъ, какое-либо одно изъ значеній этой теоріи.

Въ частности, особенно вредитъ ясности критическихъ разборовъ и оцѣнокъ этой теоріи то, что ея историки и критики (слѣдуя въ этомъ отношеніи за самими теоретиками ассоціаціонизма) не отдѣляютъ одного отъ другого двухъ главнѣйшихъ значеній этой теоріи: собственно психологическаго и „теоретико-познавательнаго" (или гносеологическаго). Конечно, не всѣмъ имъ можно ставить это въ вину: отчетливое отграниченіе „теоріи познанія", съ одной стороны, отъ метафизики, а съ другой, отъ психологіи—есть дѣло сравнительно

недавнее: въ прежнее время эта, по современнымъ понятіямъ, основная и важнѣйшая философская дисциплина то едва проглядывала въ діалектическихъ отдѣлахъ метафизики, то некритически растворялась въ психологическихъ теоріяхъ. Признаніе самостоятельности „теоріи познанія“ есть настолько важный шагъ въ философіи, что онъ не можетъ не отразиться на положеніи многихъ основныхъ философскихъ вопросовъ, а въ томъ числѣ и на проблемѣ ассоціаціи. Ученіе объ ассоціаціяхъ становится теперь болѣе сложнымъ, болѣе богатымъ содержаніемъ, болѣе многообразнымъ. И вотъ, указать эти различные модусы его въ прошломъ и намѣтить этапы въ исторіи этихъ модусовъ и составляетъ мою задачу.

Такъ какъ самостоятельность „теоріи познанія“ не была признана до послѣдняго времени, то въ прошломъ намъ придется находить гносеологическій аспектъ ученія объ ассоціаціяхъ, руководясь, такъ сказать, самымъ существомъ дѣла, т. е. нашимъ современнымъ его пониманіемъ: сами мыслители прошлыхъ временъ такого термина къ своимъ ассоціаціоннымъ теоріямъ не примѣняли,—гносеологическій аспектъ этихъ теорій скрывался у нихъ подъ самыми разнообразными другими названіями. Это не должно насъ смущать: разъ мы признаемъ въ настоящее время необходимымъ отдѣленіе теоріи познанія отъ смежныхъ съ нею философскихъ наукъ, мы должны искать элементовъ этой дисциплины и въ прошломъ, анализируя въ этомъ смыслѣ нерасчлененныя цѣлыя теорій прежнихъ временъ.

Такое отсутствіе въ существующихъ попыткахъ критической исторіи ученія объ ассоціаціяхъ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя я рѣшаюсь положить въ основу моей работы, я оговариваю заранѣе, чтобы не возвращаться къ этому факту по поводу каждаго разбираемаго мною сочиненія.

Обзору существующей литературы по исторіи ученія объ ассоціаціяхъ я предпошлю нѣсколько замѣчаній объ общихъ сочиненіяхъ по исторіи психологіи, въ которыхъ исторія ассоціаціонной теоріи затрогивается только между прочимъ; а затѣмъ уже перейду къ тѣмъ, которыя посвящены нашей темѣ спеціально. Исчерпать всего матеріала здѣсь, конечно, нельзя. Останусь въ сторонѣ, напр., соотвѣтствующіе экскурсы въ исторіяхъ философіи и въ нѣкоторыхъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ. Однако ввести весь этотъ матеріалъ невозможно: разсмотрѣніе его заняло бы слишкомъ много мѣста, врядъ ли много прибавивъ существенно новаго.

II.

Сочиненія по исторіи психологіи въ ея цѣломъ.

1. Изъ работъ по исторіи психологіи, охватывающихъ все развитіе этой науки во времени, едва ли не первою попыткою является сочиненіе *Ф. А. Каруса* [1]). Для настоящаго времени книга эта совершенно устарѣла. Первую часть ея составляетъ Universalgeschichte der Menschenkunde; здѣсь авторъ излагаетъ общіе принципы дѣленія исторіи психологіи на періоды, которыхъ онъ насчитываетъ четыре. Затѣмъ идетъ Specialgeschichte, въ которой древность и средніе вѣка занимаютъ, сравнительно съ обычными въ наше время пропорціями, гораздо больше мѣста, чѣмъ новое время. О мыслителяхъ новаго времени даются лишь коротенькіе отзывы.

2. Гораздо болѣе содержательною является „Диссертація" извѣстнаго мыслителя шотландской школы и проф. въ Эдинбургѣ *Д. Стюарта* [2]), хотя въ ней слишкомъ замѣтно, что она написана для чтенія широкой публики. Самъ авторъ говоритъ объ объемѣ своего труда слѣдующее (стр. 11): „Я ограничусь въ моихъ замѣчаніяхъ областью метафизики, этики и политической философіи [3]), понимая подъ метафизикой не школьную онтологію и пневматологію, а *индуктивную философію* человѣческаго духа", т. е., по современной терминологіи, психологію. Такого пониманія и естественно было ожидать отъ представителя шотландской школы, не только основывавшей,

---

[1]) *Fr. Aug Carus* (Prof. d. Philosophie in Leipzig). Nachgelassene Werke: Dritter Theil Geschichte der Psychologie. Leipzig 1808

[2]) Она первоначально составляла первую изъ четырехъ историческихъ Dissertations, предпосланныхъ нѣсколькимъ подрядъ изданіямъ извѣстной Encyclopaedia Britannica (я пользовался 7-мъ изданіемъ—1842 г.). Полное заглавіе ея таково: Dissertation first, exhibiting a general view of the Progress of Metaphysical and Ethical Philosophy since the Revival of Letters in Europe (pp. 1—289). Въ Гамильтоновомъ изданіи сочиненій Д. Стюарта (1854 и сл. годовъ) она занимаетъ I-й томъ.

[3]) Дальше Стюартъ поясняетъ этотъ терминъ какъ равнозначный съ «политической экономіей».

но почти сводившей всю философію на интроспективную психологію.

Д. Стюартъ обращаетъ довольно значительное вниманіе на исторію ученія объ ассоціаціяхъ. Такъ, напр., онъ отмѣчаетъ наличность этой теоріи у Мальбранша (73): „Въ Разысканіи истины, говоритъ онъ, совершенно отчетливо установленъ основной принципъ Гертли". Пятую главу II части онъ посвящаетъ писателямъ „школы Гертли", объединяя подъ этимъ терминомъ предшественника Гертли Гэя и Ш. Боннэ (о самомъ Гертли въ этой главѣ ничего нѣтъ, такъ какъ авторъ за свѣдѣніями объ основателѣ психологическаго ассоціаціонизма отсылаетъ къ другой своей работѣ—къ IV-му Опыту въ Philosophical Essays).

3. Въ 1848 г. вышла четырехъ-томная „Исторія философіи духа" *Р. Блэкки* [1]). Р. Блэкки собралъ уже довольно значительный матеріалъ по исторіи ассоціаціонной теоріи—преимущественно въ Англіи Въ его работѣ изложены ученія Гоббза, Тэкера, Гертли, Пристли, Бельшама, Джемса Милля и др. мыслителей. Блэкки въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ стоитъ на почвѣ старой шотландской школы: у него нѣтъ никакого даже намека на разграниченіе теоріи познанія и психологіи. Однако, въ частностяхъ у него есть вѣрныя замѣчанія. Такъ, онъ указываетъ на то, что „современная теорія ассоціацій идей отчетливо изложена Гоббзомъ" (II. 211). 17-я глава III-го тома цѣликомъ посвящена Гертли, Боннэ, Пристли, Эразму Дарвину и Бельшаму; въ IV-мъ томѣ есть краткія замѣчанія о Джемсѣ Миллѣ. Приговоръ Блэкки о теоріи ассоціацій, какъ онъ ее понимаетъ, отрицательный: она „есть очень недостаточная теорія человѣческаго

---

[1]) *R. Blackey.* History of the Philosophy of Mind, embracing the opinions of all writers on mental science from the earliest period to the present time. 4 vols. London. 1848. (1-й томъ—кончая Алкуиномъ и Бэдой, 2-й—кончая Локкомъ, 3-й—до начала 19 в., 4-й съ начала 19 в. до 1847 г.).

Надо имѣть въ виду особенности англійской терминологіи. Предметъ своей работы—психологію—Блэкки называетъ то Philosophy of Mind, то Mental science, то Metaphysical Philosophy (терминъ Metaphysics у англичанъ обозначаетъ психологію; то же, что мы называемъ «метафизикой», у нихъ носитъ названія «онтологіи», «гипотетической философіи» и т. д.).

познанія... Мысль, будто сцѣпленіе идей есть само источникъ нашего познанія, представляется не столько абсурдомъ, сколько вещью совершенно непонятной... Порядокъ, въ какомъ вещи представляются нашему воспоминанію, никогда не можетъ быть самъ по себѣ началомъ идей: онъ есть простое обстоятельство, сопровождающее ихъ существованіе или наличность въ духѣ". Однако, самымъ важнымъ возраженіемъ противъ признанія ассоціацій реальнымъ фактомъ духа Блэкки считаетъ то, что ассоціація есть „не что иное, какъ *память*" (III, 286—294).

4. Вполнѣ современный, научный характеръ имѣетъ „Исторія психологіи" *Т. Зибека* [1]), доведенная въ вышедшемъ до сихъ поръ I-мъ томѣ (изъ предположенныхъ трехъ) до Ѳомы Аквинскаго включительно. Изъ мыслителей, внесшихъ свой вкладъ въ развитіе ассоціаціонной теоріи, у Зибека въ вышедшей части его работы проанализированъ одинъ Аристотель, ученіе котораго объ ассоціаціи разобрано хорошо. Въ частности для Зибека характерно то, что аристотелевскую теорію ассоціацій онъ приводитъ въ связь съ психологическими ученіями Гербарта (подробнѣе объ этомъ ниже, въ отдѣлѣ объ Аристотелѣ).

5. Почти одновременно съ сочиненіемъ Зибека вышла „Исторія психологіи" берлинскаго проф *Фр Хармса* [2]), носящая однако совершенно другой характеръ. Если работа Зибека имѣетъ собственно историческій, научный характеръ, то для Хармса исторія психологіи возможна только, такъ сказать, въ свѣтѣ философской системы. „Только сама философія, говоритъ онъ, можетъ написать свою исторію, потому что безъ систематической философіи невозможны правильное пониманіе и оцѣнка исторіи философіи... Психологія изъ всѣхъ философскихъ дисциплинъ испытала судьбу, наиболѣе богатую

---

[1]) *H. Siebeck.* Geschichte der Psychologie. I-й томъ въ двухъ частяхъ: 1-te Abtheilung. Die Psychologie vor Aristoteles, Gotha, 1880; 2-te Abt Die Psychologie von Aristoteles bis zum Thomas von Aquino. Gotha. 1884.

[2]) *Fr Harms* Die Philosophie in ihrer Geschichte. Она была задумана въ трехъ томахъ. исторія психологіи, ист логики и ист этики. Вышло только два I Geschichte der Psychologie. Berlin 1878 и II. Geschichte der Logik. Berl. 1881 (докончена, за смертью Хармса въ 1880 г., *А. Лассономъ*).

превратностями", и это потому, что психологія есть дисциплина, подчиненная философіи: она повторяетъ въ себѣ, какъ въ копіи, системы философіи. „Понятія о сущности души возникаютъ и обосновываются на физическомъ и метафизическомъ міровоззрѣніи философовъ и мѣняются съ этими міровоззрѣніями. Такъ именно было въ греческой философіи, для которой психологія была одною изъ дисциплинъ ея физики. Понятіе о существѣ души рѣшалось тогда общимъ воззрѣніемъ на природу"... Въ исторіи новой философіи наблюдается противоположный фактъ: она стоитъ на „приматѣ" психологіи. Впервые такъ поставилъ дѣло Августинъ. Исторія новой психологіи дѣлится на три періода, во главѣ которыхъ стоятъ Августинъ, Декартъ и Кантъ. Заслуга Декарта въ томъ, что онъ „степенное" различіе духа и тѣла замѣнилъ различіемъ по сущности; картезіанство болѣе согласуется съ фактами опыта, чѣмъ метафизика, видящая въ различіи духа и тѣла лишь разницу въ степени. Но матеріализмъ и идеализмъ (спиритуализмъ) дѣлаютъ опять изъ различія духа и тѣла различіе лишь „въ степени" (въ противоположныхъ смыслахъ); Лейбницъ превращаетъ психологію въ метафизику наукъ; эмпиризмъ дѣлаетъ ее фундаментомъ философіи, обусловливая тѣмъ появленіе сенсуализма и скептицизма [1])... Сочиненіе Хармса имѣетъ въ значительной степени критико-полемическій характеръ и служитъ къ выясненію собственныхъ взглядовъ автора на общіе, философскіе вопросы о душѣ. Въ своемъ міровоззрѣніи Хармсъ совмѣщаетъ нѣкоторыя ученія Фихте старшаго съ гносеологическимъ реализмомъ. Философія, по мнѣнію Хармса, есть наука объ абсолютномъ, познаваемомъ изъ основныхъ понятій эмпиріи; поэтому философія тѣсно связана и находится во взаимодѣйствіи съ опытными науками. Логика и метафизика составляютъ члены единаго цѣлаго, принципомъ котораго служитъ понятіе знанія, изучаемаго ими съ его субъективной и объективной сторонъ. Въ совокупности эти науки образуютъ наукоученіе. Абсолютное можно познать только тогда, когда произслѣдуютъ и свяжутъ одно съ другимъ всѣ основныя опытныя понятія. Изъ ассоціаціонистовъ Хармсъ касается въ своемъ сочиненіи лишь очень немногихъ и на

[1]) Gesch. d Psych., Vorwort, IV—VII

теоріяхъ ассоціацій останавливается мало. По поводу ученій Локка и Юма онъ критикуетъ (стр. 312 сл.) вообще сенсуализмъ и эмпиризмъ съ точки зрѣнія своей реалистической гносеологіи. Не смотря на остроуміе его замѣчаній, они не совсѣмъ попадаютъ въ цѣль—въ виду того, что Юмъ стоитъ на совершенно другой теоретико-познавательной почвѣ.

6. Сжатый, но довольно полный обзоръ всей исторіи психологіи имѣется въ I томѣ „Психологіи“ *Владиславлева* [1]) —„Историческій очеркъ психологіи“ (стр. 55—182).

Исторія философіи, говоритъ Владиславлевъ, показываетъ, что психологическія понятія и предположенія зависятъ отъ общихъ метафизическихъ принциповъ и направленій. Самыя зрѣлыя изслѣдованія въ психологіи даны системами дуалистическими; системы унитарныя—какъ спиритуалистическія, такъ особенно матеріалистическія—„оказывались, по крайней мѣрѣ, до сего времени, для успѣховъ психологіи менѣе благопріятными“ (55—56).

Говоря въ частности объ интересующемъ насъ вопросѣ, Владиславлевъ дѣлаетъ капитальную ошибку, утверждая какъ въ „Историческомъ очеркѣ“ (стр. 69), такъ и въ теоретической части своей „Психологіи“ (I, 235), будто послѣ Аристотеля ассоціація представленій—„это столь важное психологическое открытіе—было совсѣмъ забыто“. „И нельзя не удивляться, продолжаетъ авторъ, что ни одинъ изъ многочисленныхъ древнихъ и средневѣковыхъ комментаторовъ, такъ внимательно изучавшихъ текстъ Аристотеля, не обратилъ должнаго вниманія на четыре строки, въ которыхъ содержится замѣтка о связи воспоминаній“... Трудно рѣшительнѣе высказать столь ошибочное утвержденіе: комментаріевъ, парафразъ, „версій“ того трактата Аристотеля, въ которомъ онъ говоритъ о связи представленій, очень много, и каждый изъ комментаторовъ воспроизводитъ и толкуетъ замѣчанія Аристотеля объ ассоціаціяхъ. Гамильтонъ перечисляетъ массу такихъ ком-

---

[1]) *М. Владиславлевъ.* Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни 2 тома. Спб. 1881. (Въ «Запискахъ Историко-филологическаго факультета Спб. унив.», томъ VII—въ двухъ частяхъ, и отдѣльно).

ментаріевъ въ своей Note D**къ Reid's Works [1]); а одному изъ комментаторовъ—Темистію онъ приписываетъ даже неправильное, слишкомъ узкое пониманіе ученія Аристотеля (самъ Гамильтонъ придаетъ этому ученію очень широкое толкованіе, видитъ въ немъ почти полностью свой Law of Redintegration, „законъ возстановленія"), отразившееся на всей исторіи этого ученія въ средніе вѣка. Это ученіе Аристотеля всегда было извѣстно; только въ средніе вѣка оно не дѣлало шаговъ впередъ, ему не придавалось болѣе широкаго значенія. О состояніи этой теоріи въ средніе вѣка можно судить по выдержкѣ изъ комментарія Ѳомы Аквинскаго, которую я привожу въ приложеніи къ соотвѣтствующей главѣ. Но уже въ XVI в. ученіе объ ассоціаціяхъ начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе и обогащаться новымъ матеріаломъ (см. ниже—„Людовикъ Вивесъ"); а въ XVII в—у Гоббза, Мальбранша, Спинозы и др. мыслителей оно получаетъ прямо видное значеніе въ системѣ ихъ психологическихъ взглядовъ, какъ это будетъ ясно изъ моего дальнѣйшаго изложенія.

Такимъ же образомъ и утвержденіе Владиславлева, что „фактъ ассоціаціи былъ открытъ во второй разъ, черезъ двадцать два вѣка, англійскимъ философомъ Юмомъ", тоже невѣрно. Дѣйствительно самъ Юмъ говоритъ объ этомъ приблизительно такъ; но онъ, очевидно, не былъ знакомъ съ исторіей вопроса Юмъ не „открылъ фактъ ассоціаціи", а расширилъ и преобразовалъ этотъ извѣстный тогда фактъ въ гносеологическій ассоціаціонизмъ [2]).

7. Укажу еще, что мы имѣемъ въ русской литературѣ одинъ полный историческій обзоръ—только не всѣхъ пси-

---

[1]) Vol. II, 6 ed., 1863, p 891 Вотъ что говоритъ здѣсь Гамильтонъ: «Изъ комментаторовъ на De memoria у меня были слѣдующіе: 1) греческая парафраза Темистія (IV в.), 2) греческій комментарій Михаила Эфесскаго (можетъ быть, XI в.), 3) Аверроэса, 4) Альберта Великаго, 5) Ѳомы Аквинскаго». Изъ одного XVI вѣка Гамильтонъ перечисляетъ 11 комментаріевъ. Кромѣ того, у него названъ цѣлый рядъ «версій».

[2]) Отмѣчу еще, что Владиславлевъ въ своемъ «Историческомъ очеркѣ» совершенно почти стушевываетъ значеніе Юма въ исторіи психологіи. Онъ посвящаетъ Юму только 13 строкъ (стр. 113) подъ рубрикой «Вольфъ» и не дѣлаетъ для Юма даже особаго параграфа, отдавая, напр, Плотину 13½ страницъ, Вольфу и Фризу—по 3 стр.

хологическихъ ученій, а однихъ теорій чувствованій, въ работѣ *Н. Я. Грота* „Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ“. Спб. 1879—80.

III.

Сочиненія, охватывающія не всю исторію психологіи, а лишь отдѣльные ея періоды.

Изъ сочиненій, охватывающихъ не всю исторію психологіи, а лишь тотъ или другой отдѣлъ этой науки (опредѣляемый рамками либо хронологіи, либо національности, либо направленія,—либо, наконецъ, комбинаціей этихъ признаковъ) можно указать на книги А. Шенье, М. М. Троицкаго, Т. Рибо, Р. Зоммера, М. Дессуара, Эд. Гартмана и нѣкоторыя другія.

1. Книги *А. Шенье*: „Исторія психологіи у грековъ“ и „Психологія Аристотеля“ [1]) не даютъ по нашему вопросу ничего новаго сравнительно, напр., съ „Исторіей психологіи“ Зибека.

2. Изъ частичныхъ обзоровъ исторіи новой психологіи надо указать прежде всего на извѣстную диссертацію *М. М. Троицкаго* „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи“ [2]). Сочиненіе это состоитъ, какъ извѣстно, изъ двухъ частей (соотвѣтствующихъ томамъ второго изданія), совершенно различныхъ между собою и по содержанію, и по отношенію автора къ критикуемымъ имъ ученіямъ, и по научной цѣнности. Первая часть излагаетъ „успѣхи психологіи въ Англіи со временъ Бэкона и Локка“, а вторая критикуетъ нѣмецкую психологію XIX вѣка. Это, въ сущности, двѣ отдѣльныхъ работы, правда, тѣсно связанныя одна съ другою, какъ про-

---

[1]) *A. E. Chaignet.* Histoire de la psychologie des Grecs, 1887, 2 vols I—Avant et après Aristote, II—Les stoïciens, les épicuriens, les alexandrins — Essai sur la psychologie d'Aristote, 1884.

[2]) *М. Троицкій.* Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историко-критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи въ Англіи со временъ Бэкона и Локка. 1-е изд М. 1867, 2-е, вновь обработанное, М. 1883 (въ двухъ томахъ).

явленія положительнаго и отрицательнаго отношенія автора къ различнымъ направленіямъ въ разработкѣ психологіи. Вторая часть диссертаціи Троицкаго подверглась, можно сказать, исчерпывающей критикѣ въ рецензіяхъ на нее Гогоцкаго [1]), Владиславлева [2]) и отчасти Сидонскаго [3]).

Гогоцкій опровергалъ преимущественно представленную Троицкимъ критику „психологіи нѣмецкаго идеализма", а Владиславлевъ чрезвычайно обстоятельно разобралъ тѣ главы диссертаціи, которыя посвящены „психологіи кантовской школы", Гербарту и Бенеке [4]). Такъ какъ исторія нѣмецкой психологіи не входитъ въ тему нашей работы, то я оставлю вторую часть диссертаціи Троицкаго въ сторонѣ; а первую часть разберу въ слѣдующемъ отдѣлѣ—рядомъ съ другими монографіями объ ассоціаціонной психологіи. Изъ этого разбора намъ будутъ ясны, я надѣюсь, внутреннія причины какъ увлеченій Троицкаго, такъ и тѣхъ ошибокъ, въ которыя онъ впалъ. Эта первая часть сочиненія Троицкаго вообще гораздо меньше остановила на себѣ вниманіе критиковъ— отчасти, конечно, потому, что она въ общемъ выполнена болѣе удовлетворительно, чѣмъ вторая часть, которая и привлекла поэтому на себя ихъ главные удары, а отчасти, вѣроятно, и потому, что нѣкоторые изъ критиковъ не рѣшались преслѣдовать автора на почвѣ англійской психологіи, въ отношеніи которой они вполнѣ признавали его компетентность. Само собою разумѣется, что, если намъ удастся сдѣлать нѣсколько болѣе от-

---

[1]) Рецензія С. С. Гогоцкаго вышла двумя изданіями: первое—подъ заглавіемъ «Нѣсколько мыслей по поводу сочиненія Нѣмецкая психологія и т. д.» 183 стр. Кіевъ. 1867. второе—дополненное—подъ заглавіемъ «Критическое обозрѣніе сочиненія М. Троицкаго» и т. д. (156+VI стр.), Кіевъ 1877.

[2]) «Зависимость нѣмецкой философіи отъ англійской» (Журналъ Мин. Нар. Просв., іюль и августъ 1867)

[3]) Въ іючьской книжкѣ Жур. Мин. Нар. Просв. за 1867 г.

[4]) Большинство замѣчаній Владиславлева надо признать основательными. Тѣмъ не менѣе, и онъ въ этой рецензіи признаетъ за Троицкимъ «талантъ и умѣнье писать и излагать мнѣнія другихъ» А въ своей «Психологіи» (т. I, 182) онъ говоритъ даже, что замѣчанія Троицкаго «остроумны и во многихъ отношеніяхъ вѣрны», прибавляя однако: «но, къ сожалѣнію, слишкомъ страстны».

четливыми причины не совсѣмъ правильнаго пониманія авторомъ основного теченія психологіи англійской, то это поможетъ намъ отчетливѣе усвоить и недостатки его критики психологіи нѣмецкой.

3. Параллель—и отчасти продолженіе (по хронологическому содержанію)—второй части диссертаціи Троицкаго представляетъ „Современная нѣмецкая психологія“ *Т. Рибо* [1]). Рибо начинаетъ съ Гербарта (котораго онъ считаетъ почему-то ученикомъ Канта, Introduction, XXXI): родоначальника новой, экспериментальной психологіи въ Германіи Рибо видитъ въ Іоганнѣ Мюллерѣ. Такъ какъ въ нѣмецкой психологіи ассоціаціонная школа стоитъ на второмъ планѣ, то къ нашей темѣ это сочиненіе имѣетъ лишь косвенное отношеніе.

4. Напротивъ, исключительно ассоціаціонной школѣ посвящена другая книга *Рибо*: „Современная англійская психологія“ [2]). На ней я остановлюсь въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

5. „Основы исторіи нѣмецкой психологіи и эстетики отъ Вольфа-Баумгартена до Канта-Шиллера“ *Р. Зоммера* [3]) ставятъ себѣ цѣлью не полное исчерпаніе всего матеріала нѣмецкой психологіи и эстетики XVIII в., а лишь „анализъ сравнительно небольшого числа сочиненій и установленіе на этомъ основаніи того закона развитія, которому подчинялись психологическія и эстетическія ученія того періода“ (Vorwort, VI). Книгу Зоммера можно назвать, какъ онъ говоритъ, „исторіей субъективизма и индивидуализма отъ Лейбница до Канта“. Изложеніе автора сгруппировано около сравнительно небольшого числа личностей и сочиненій мыслителей той эпохи. Попутно, при изложеніи другихъ теорій, Зоммеръ неоднократно касается и ученія объ ассоціаціяхъ (у Вольфа, Мейера, Тетенса, Федера).

6. Сочиненіе Зоммера было первоначально написано на премію, объявленную въ 1888 г. Прусской королевской Ака-

---

[1]) *T. A. Ribot.* Psychologie allemande contemporaine. (Ecole expérimentale). Paris. 1879. (4 éd. 1892). Есть русскій переводъ (неудовлетворительный).

[2]) *T. A. Ribot.* Psychologie anglaise contemporaine. Paris 1876 Рус. пер подъ ред И. Д. Боборыкина, М 1880

[3]) *Robert Sommer.* Grundzuge einer Geschichte der deutschen Psychologie und Aesthetik von Wolff-Baumgarten bis Kant-Schiller. Wurzburg. 1892.

деміей наукъ. На ту же премію было представлено и другое сочиненіе, написанное *М. Дессуаромъ* и изданное потомъ подъ заглавіемъ „Исторія новой нѣмецкой психологіи“ [1]). Въ противоположность Зоммеру, группирующему матеріалъ вокругъ немногихъ мыслителей, Дессуаръ очень дробитъ свое изложеніе между массой писателей, ученія которыхъ онъ передаетъ или цитируетъ. Въ силу этого ему приходится затѣмъ составлять мозаичную картину психологическихъ ученій того времени въ видѣ нѣкотораго подобія системы (III отдѣлъ: Das so bedingte System der Psychologie, Ss. 132—312). Послѣдняя глава этого отдѣла спеціально посвящена ассоціаціонной психологіи въ Германіи XVIII вѣка.

7. „Критическую исторію нѣмецкой психологіи за вторую половину девятнадцатаго вѣка“ даетъ въ своей книгѣ „Современная психологія“ [2]) *Эд. фонъ Гартманъ*. Написанная съ огромнымъ знаніемъ психологической литературы и съ присущей автору выдающейся критической способностью, книга эта представляетъ замѣтное явленіе въ исторіографіи психологіи. „Современную“ психологію авторъ характеризуетъ, въ отличіе „отъ всѣхъ прежнихъ эпохъ“, четырьмя признаками. А именно: „во-первыхъ, современная психологія, по мнѣнію автора, заходитъ за предѣлы сознанія и сводитъ явленія къ тому или иному безсознательному; во-вторыхъ, она носитъ естественно-научную окраску; въ-третьихъ, она обоснована исторически, и въ-четвертыхъ, она гораздо болѣе прежняго раскололась на направленія“... Авторъ посвящаетъ свою книгу разбору положенія въ современной психологіи главныхъ ея „спорныхъ вопросовъ“, каковыми онъ признаетъ: 1) вопросъ о задачѣ и методѣ психологіи, 2) вопросъ о значеніи и степени приложимости безсознательнаго и о генетической связи съ нимъ сознательныхъ психологическихъ явленій, 3) вопросъ о достаточности ассоціаціи представленій или необходимости дополненія ея активнымъ вмѣшательствомъ психическихъ функцій, 4) вопросы объ отношеніяхъ между ощущеніемъ и чувствованіемъ и между чувствованіемъ и волей, о возникновеніи чувствованій изъ воли, сознательности или без-

[1]) *Max Dessoir*. Geschichte der neueren deutschen Psychologie. I Band. Von Leibniz bis Kant. Berlin. 1894

[2]) *Ed. v. Hartmann*. Die moderne Psychologie. (Русскій пер. М. 1902).

сознательности воли, признаніи или отрицаніи послѣдней, 5) о смыслѣ и способѣ установленія единства сознанія и 6) о значеніи, степени приложимости и правахъ психо-физическаго параллелизма. Авторъ разбираетъ, какъ всѣ эти вопросы трактуются у нѣмецкихъ психологовъ второй половины XIX в. и старается вездѣ обратить критику ученій этихъ психологовъ на пользу своей теоріи „абсолютно-безсознательнаго".

Каждому изъ перечисленныхъ выше главныхъ спорныхъ вопросовъ современной психологіи посвящена у Гартмана одна глава. Въ IV главѣ: „Ассоціація и воспроизведеніе" авторъ излагаетъ и разбираетъ ученія Георге, Фортлаге, И. Г. Фихте, Ульрици, своей „Философіи безсознательнаго", Горвица, Фолькмана, Вундта, Липпса, Гефдинга, Циглера, Ремке, Цигена, Кюльпе, Лассона, Іодля, Гефлера. Отвергнувъ объясненія процессовъ ассоціаціи и воспроизведенія, даваемыя умозрительной психологіей, чистой психологіей сознанія (и ассоціаціонной психологіей), физіологической теоріей возникновенія представленій и теоріей апперцепціи, авторъ такъ резюмируетъ свое отношеніе къ этому вопросу (стр. 148—9 рус. пер.). „Ассоціаціонная психологія по праву отвергаетъ апперцепціонную психологію Вундта и его школы; но она сама не въ состояніи ни объяснить всѣхъ фактовъ, ни охранить себя отъ скользкаго пути, по которому она опускается до матеріализма. Она или закрываетъ глаза на факты, которые она не въ состояніи объяснить, или даетъ имъ вынужденныя, призрачныя объясненія... Она почти совершенно открыто признаетъ механическое міросозерцаніе и только отчасти матеріалистическое, а въ остальномъ старается его скрыть подъ завѣсой динамическаго разложенія матеріи или подъ теоретико-познавательнымъ одѣяніемъ. Значеніе категоріальныхъ функцій и воленія (хотѣнія) она или совершенно отрицаетъ, или, когда это невозможно, все же отказывается разсматривать ихъ какъ безсознательно-психическія функціи... Не одобряется всякій возвратъ къ психологическому безсознательному, отчасти потому, что оно приводитъ къ метафизикѣ, отчасти же потому, что его смѣшиваютъ съ платоновской теоріей „голубятни" [1]),

[1]) Т. е. теоріей, по которой представленія, не сознаваемыя въ данный моментъ духомъ, продолжаютъ существовать въ памяти, наполняя ее, какъ

и, наконецъ, отчасти потому, что оно приводитъ къ непопулярнымъ выводамъ въ другихъ областяхъ. Вслѣдствіе этого никакая серьезная попытка синтеза физіологическаго безсознательнаго съ психическимъ безсознательнымъ не можетъ имѣть мѣста до тѣхъ поръ, пока остается въ силѣ агностическое настроеніе времени съ его презрѣніемъ къ умозрительной эпохѣ и страхомъ передъ антитеистическими слѣдствіями психическаго безсознательнаго. До тѣхъ поръ приходится только довольствоваться или описаніемъ продукта (ассоціаціонная психологія, какъ чистая психологія сознанія), или объясненіемъ этого продукта съ помощью одного только изъ факторовъ (ассоціаціонная психологія, какъ физіологическая теорія воспроизведенія), или полной противорѣчій попыткой синтеза одного фактора съ самимъ продуктомъ (апперцепціонная психологія Вундта)"... Удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса является такимъ образомъ и здѣсь объясненіе при помощи „абсолютно-безсознательнаго".

8. Укажу, въ заключеніе этого параграфа, на нѣсколько русскихъ работъ по исторіи психологіи, въ которыхъ мимоходомъ затрогивается и исторія ученія объ ассоціаціяхъ и ассоціаціонизма. Такова, прежде всего, книжка *М. И. Владиславлева* „Современныя направленія въ наукѣ о душѣ" (Спб., 1866). Не смотря на ея общее заглавіе, охватывающее, казалось бы, всю современную психологическую науку, въ ней рѣчь идетъ только о главныхъ направленіяхъ *нѣмецкой* психологіи второй трети XIX вѣка. Авторъ группируетъ нѣмецкихъ психологовъ по слѣдующимъ направленіямъ: матеріалисты (изъ нихъ онъ беретъ К. Фохта и Ноака), физіологическое направленіе (Вундтъ), физическое (Веберъ и Фехнеръ), индуктивное (Бенеке), „объяснительное" (Гербартъ), „идеальное" (Гегель и его школа) и „идеально-реальное" (Фихте младшій и Лотце).

9 *Ѳ. А. Зеленогорскому* принадлежитъ „Очеркъ развитія психологіи съ Декарта до настоящаго времени" (Записки Харьковскаго унив. за 1882 г., тт. III и IV), содержащій довольно несистематическія свѣдѣнія о Декартѣ, Гоббзѣ, Спинозѣ (Гоббзу посвящено 19 стр., Спинозѣ—2), Бэконѣ, Глиссонѣ,

---

голуби голубятню,—до тѣхъ поръ, пока они не вылетятъ оттуда, т. е не войдутъ на извѣстное время въ сознаніе.

Лейбницѣ. Локкѣ, Беркли (1 стр.), Гертли съ его школой и Бонне. Эта несистематичность врядъ ли способствуетъ надлежащему иллюстрированію основной мысли работы: что каждая ступень въ развитіи психологіи (съ Декарта до настоящаго времени) соотвѣтствуетъ такой же ступени въ эволюціи естественныхъ наукъ. Впрочемъ, частыя обращенія „къ читателю", предполагаемому незнакомымъ съ исторіей философіи, придаютъ работѣ характеръ скорѣе популярнаго очерка, нежели ученаго изслѣдованія.

10. Наконецъ, въ русской литературѣ имѣется и историко-критическій „Обзоръ главнѣйшихъ направленій русской психологіи" *М. Вержболовича* [1]), на которомъ необходимо остановиться, какъ на единственной у насъ этого рода работѣ. Начало самостоятельной научной разработки психологіи въ Россіи авторъ относитъ къ тридцатымъ годамъ XIX в., а первымъ капитальнымъ психологическимъ трудомъ считаетъ „Картину человѣка" Галича, вышедшую въ 1834 г. Излагаемые имъ психологическіе труды онъ группируетъ по направленіямъ такимъ образомъ: 1) метафизико-идеалистическія (шеллингіанскія) системы Экеблада („Опытъ обозрѣнія и біологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа",—вышелъ только въ 1872 г.) и Галича („Картина человѣка", 1834 г.); 2) спиритуалистическія сочиненія Ор. Новицкаго („Руководство къ опытной психологіи", 1844 г.; вліяніе Шеллинга, а также теистическихъ и неоплатоническихъ идей, отчасти Аристотеля и лейбнице-вольфіанской философіи) и Кедрова („Курсъ психологіи", 1844 г.); 3) „психологическій идеализмъ"—гегеліанское направленіе С. С. Гогоцкаго („Программа психологіи", 2 вып., 1880—81 гг.), 4) „психологическій реализмъ" Владиславлева, сложившійся подъ вліяніемъ воззрѣній Лотце и Фортлаге („Психологія", 2 тома, 1881 г.); 5) „идеально-реальное", эклектическое направленіе Ушинскаго, синтезировавшаго и соглашавшаго очень разнообразныя воззрѣнія" („Человѣкъ какъ предметъ воспитанія", 2 тома, 2 изд. 1871 г.); 6) „психологическій феноменализмъ" М. М. Троиц-

[1]) Въ журналѣ «Вѣра и разумъ» за 1895 г., отд. философскій, ч. I, стр. 117—134, 185—208, 233—290, 303—336, 374—427, 455—487 и ч II, стр 135—158, 185—209 и 339—374. А также отдѣльно подъ тѣмъ же заглавіемъ.

каго („Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи", 1867 г. и „Наука о духѣ", 2 тома. 1882 г.); 7) „физіологическое направленіе" П. Ѳ. Каптерева („Педагогическая психологія", 1877 г.; въ 1883 г. вышла во второмъ, переработанномъ изданіи первая часть книги) и 8) „психологическій индивидуализмъ" В. А. Снегирева („Психологія", 1892 г.). „Ассоціаціонной" психологіи авторъ касается, говоря о трудахъ послѣднихъ трехъ психологовъ,—больше всего, конечно, по поводу сочиненій Троицкаго, наиболѣе чисто отразившаго въ нашей литературѣ теоріи ассоціаціонной школы. Передавъ основныя психологическія воззрѣнія Троицкаго и указавъ на зависимость его отъ англійскихъ мыслителей, авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ „Науку о духѣ" покойнаго московскаго профессора: „Не смотря на указанныя вліянія, психологическая система Троицкаго запечатлѣна характеромъ глубокой оригинальности и по своему направленію является лучшимъ образцомъ вполнѣ самостоятельной научной обработки психическихъ фактовъ. Представляя собою стройное, законченное цѣлое и всесторонне исчерпывая свой предметъ, она отличается спокойствіемъ и увѣренностью тона, остроуміемъ и проницательностью въ рѣшеніи поднимаемыхъ вопросовъ, удобопріемлемостью взглядовъ и вѣроятностью догадокъ автора. Кромѣ того, богатство наблюденій надъ разнообразными проявленіями духа въ обѣихъ сферахъ его жизни—теоретической и практической, рѣшительность въ сужденіяхъ и выводахъ составляютъ неоспоримыя достоинства его... Стремленіе же автора изъяснить чисто психологическимъ путемъ разнообразныя формы культурной и общественной жизни, а равно основанное на практическихъ наблюденіяхъ изслѣдованіе различныхъ направленій произвольной дѣятельности сообщаютъ его труду глубокій жизненно-практическій интересъ" Затѣмъ, по слѣдамъ другихъ критиковъ „Науки о духѣ", Вержболовичъ указываетъ на ея недостатки: на „своеобразную, не всегда удобопонимаемую" терминологію автора, а также на нѣсколько странную принятую имъ классификацію психическихъ фактовъ и явленій, на неясность и неточность нѣкоторыхъ опредѣленій основныхъ понятій, на догматичность нѣкоторыхъ его утвержденій и т. д.

IV.

Сочиненія, посвященныя спеціально исторіи ученія объ ассоціаціи и идей вышедшія ранѣе второй половины XIX в.

1. Перехожу теперь къ ряду сочиненій, посвященныхъ исторіи ассоціаціонной психологіи уже не между другими предметами, а болѣе спеціально. Это будутъ либо болѣе общіе обзоры (всего развитія ассоціаціонной доктрины или тѣхъ или иныхъ группъ теоретиковъ ассоціаціонизма), либо монографіи, посвященныя отдѣльнымъ ассоціаціонистамъ. Я начну съ обзоровъ болѣе широкаго характера.

Первыя серьезныя изслѣдованія по исторіи ассоціаціонной теоріи появились въ Германіи во второй половинѣ 18 в.— въ эпоху „просвѣщенія". Время это отмѣчено оживленнымъ движеніемъ во всѣхъ областяхъ духовной культуры нѣмецкаго народа: въ поэзіи, наукѣ, философіи, при значительномъ вліяніи англійскихъ и французскихъ образцовъ. Ньютонъ и Локкъ, Гертли и Юмъ, Вольтеръ и Руссо, Кондильякъ и Боннэ усердно изучались и переводились. Въ Германіи въ это время быстро распространяется интересъ къ психологическимъ и философскимъ изслѣдованіямъ и является цѣлая плеяда талантливыхъ мыслителей, ревностно разрабатывавшихъ психологію и пытавшихся либо примкнуть къ одной изъ прежнихъ школъ, либо такъ или иначе примирить Декарта и Лейбница съ Локкомъ и Юмомъ [1]). Къ двумъ различнымъ группамъ этого движенія, отмѣченнаго именами Ламберта и Тетенса и завершившагося торжествомъ кантовской философіи, принадлежали и тѣ два писателя, которые оставили намъ монографіи по исторіи ученія объ ассоціаціяхъ. Это Гиссманъ и Маассъ.

---

[1] Общій обзоръ ученій этихъ мыслителей см. у *Max'a Dessoir'a*: Geschichte der neueren deutschen Psychologie. I Band. Berlin. 1894, а также у *G. Zart'a*: Einfluss der englischen Philosophen seit Bacon auf die deutsche Philosophie des 18 Jahrhunderts. Berl. 1881.

2. *М Гиссманъ* [1]) написалъ интересную „Исторію ученія объ ассоціаціи идей“ [2])—первую по времени изъ извѣстныхъ мнѣ. Юмъ и другіе англійскіе мыслители 18 в., говоритъ Гиссманъ, ошибались, думая, что они первые создали ученіе объ ассоціаціяхъ: на самомъ дѣлѣ его исторія восходитъ къ античной древности. Зачатки теоріи Гиссманъ находитъ у Платона и приводитъ (оговариваясь, впрочемъ, что—очень возможно, что въ сочиненіяхъ Платона есть другія, ближе касающіяся дѣла мѣста) тотъ пассажъ изъ Теэтета, гдѣ Сократъ развиваетъ одинъ изъ своихъ exempla ficta: положимъ, онъ привыкъ видѣть всегда вмѣстѣ Теэтета и Ѳеодора; теперь онъ давно уже ихъ не видалъ,—и вдругъ онъ замѣчаетъ вдали двухъ идущихъ вмѣстѣ людей, узнать которыхъ онъ за дальностью разстоянія не можетъ; и ему сразу приходитъ въ голову, что это Теэтетъ и Ѳеодоръ. Платонъ тутъ, конечно, не даетъ объясненія соединенію представленій, прибавляетъ Гиссманъ; но самый фактъ онъ зналъ. Гиссманъ подробно останавливается на Аристотелѣ, излагаетъ то, что есть объ ассоціаціяхъ у Квинтиліана; потомъ говоритъ о Гоббзѣ, Мальбраншѣ [3]), Локкѣ, Лейбницѣ и послѣдующихъ философахъ,

---

[1]) Родился 1752, умеръ 1784, сторонникъ англо-французской эмпирико-сенсуалистической философіи, переводчикъ на нѣмецкій языкъ сочиненій Кондильяка, съ 1782 г. былъ профессоромъ философіи въ Геттингенѣ (о немъ см. *Putter's* Versuch einer gelehrten Geschichte von der Georg Augustus Universität; см также Allgemeine Encyclopädie *Эрша и Грубера* и Allgemeine deutsche Biographie).

[2]) *Michael Hissmann.* Geschichte der Lehre von der Association der Ideen, nebst einem Anhang vom Unterschied unter associirten und zusammengesetzten Begriffen und den Ideenreyhen. Göttingen. 1777.

[3]) Подробно излагая воззрѣнія Мальбранша на ассоціацію и видя въ немъ родоначальника теоріи въ новой философіи, Гиссманъ дѣлаетъ по поводу его *второго* закона связи идей, гласящаго, что причиной ассоціацій является человѣческая *воля*, слѣдующее интересное замѣчаніе, предвосхищающее то, что позже говорили другіе мыслители. «Этотъ законъ химеричнъ и обоснованъ не лучше *активности* Бонне Кому приходилось размышлять и испытывать неудачу въ своихъ размышленіяхъ, тотъ самымъ легкимъ образомъ можетъ убѣдиться въ томъ, что у насъ нѣтъ способности связывать и потомъ возстановлять въ памяти идеи по нашему произволу.

заканчивая англійскимъ критикомъ 18 в. Гомомъ и Александромъ Джерардомъ, сдѣлавшимъ, по мнѣнію Гиссмана, въ своей книгѣ: An Essay on Genius (London. 1774) синтезъ законовъ ассоціацій, установленныхъ, съ одной стороны, Юмомъ, а съ другой—Гомомъ.

Прибавлю, что самъ Гиссманъ признаетъ *три* закона ассоціацій: 1) законъ сосуществованія (Coëxistenz), 2) законъ сходства и 3) законъ физической связи нашихъ внутреннихъ органовъ, извѣстный уже Мальбраншу. Что же касается до области чувствованій, то здѣсь, по мнѣнію Гиссмана, дѣйствуютъ, по всей вѣроятности, свои особые законы. Будучи матеріалистомъ по своимъ воззрѣніямъ, Гиссманъ и ассоціаціи объясняетъ физіологически.

Изслѣдованіе Гиссмана не имѣетъ широкаго философскаго характера. Авторъ совершенно не замѣчаетъ того, что съ 18 вѣка въ ученіи объ ассоціаціяхъ произошелъ полный переворотъ: ассоціаціи съ этого времени стали, для одной школы мыслителей, принципомъ *гносеологическимъ*. Точно такъ же Гиссманъ не различаетъ отдѣльныхъ періодовъ и въ самой исторіи психологическаго ученія объ ассоціаціяхъ: онъ не указываетъ постепеннаго перехода отъ объясненія ими одного только *воспроизведенія* къ сведенію на нихъ чуть не всѣхъ процессовъ духовной жизни.

Надо замѣтить однако, что въ приложеніи къ своей книгѣ, озаглавленномъ Ueber den Unterschied associirter und zusammengesetzter Begriffe und der Ideenreyhen, Гиссманъ отдѣляетъ отъ собственно „ассоціированныхъ“ понятій, въ которыхъ связанные другъ съ другомъ элементы остаются одинъ отъ другого независимыми, понятія „сложныя“, гдѣ ассоціація приводитъ къ *образованія новаго*, къ соединенію элементовъ въ одно *сплошное* цѣлое [1]).

Впрочемъ, если бы у насъ такая способность была, то психологу не нужно бы было отыскивать никакихъ другихъ законовъ ассоціаціи: тогда единственнымъ закономъ была бы наша воля“.

[1]) См. также *D. Marcus*: Die Associationstheorieen im 18 Jahrhundert. Halle a. S. 1901, S. 19. Маркусъ сближаетъ этотъ процессъ съ «неразрывной ассоціаціей» позднѣйшихъ мыслителей.

3. Черезъ 15 лѣтъ послѣ работы Гиссмана, въ 1792 г. вышелъ „Опытъ о силѣ воображенія“ *Маасса* [1]). Сочиненіе это состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой Маассъ излагаетъ свою теорію законовъ воображенія, во второй говоритъ о вліяніи воображенія на остальныя способности души; третья посвящена „исторіи ученія о связываніи представленій“ (ея заглавіе: Beiträge zur Geschichte der Lehre von der Vergesellschaftung der Vorstellungen). Въ своемъ историческомъ очеркѣ Маассъ у различныхъ философовъ особенно интересуется общей постановкой вопроса объ ассоціированіи идей: является ли этотъ фактъ закономъ физіологическимъ или же онъ выводится изъ свойствъ души. По этому вопросу онъ полемизируетъ съ Гиссманомъ, который объяснялъ ассоціаціи физіологически и говорилъ [2]), что „всѣ наши душевныя силы суть не что иное, какъ напряженія извѣстныхъ органовъ мозга, а идеи, сужденія и умозаключенія не что иное, какъ результаты этихъ напряженій и измѣненій“. Маассъ же видитъ въ фактахъ ассоціацій проявленіе законовъ собственно духа, а не мозга [3]) и утверждаетъ, что именно такъ объяснялъ ихъ и Аристотель [4]) (Гиссманъ и Аристотеля истолковывалъ въ свѣтѣ матеріалистической физіологіи). Маассъ отказывается видѣть, вслѣдъ за Гиссманомъ, родоначальника ученія объ ассоціаціяхъ въ Платонѣ; по его мнѣнію. Платонъ нигдѣ не говоритъ объ ассоціаціи идей, и цитата Гиссмана не идетъ къ дѣлу. Маассъ останавливается на Л. Вивесѣ, Гоббзѣ (котораго онъ защищаетъ

---

[1]) *J. G. E Maass.* Versuch über die Einbildungskraft, Halle, 1792. Маассъ (1766—1823)—съ 1791 г профессоръ философіи въ Галле, (о немъ смотри *Zart* Einfluss d. englischen Philosophen etc., S. 1891). Другого сочиненія Маасса: Dissertatio exhibens paralipomena ad historiam doctrinae de associatione idearum (на него ссылается въ одномъ мѣстѣ У. Гамильтонъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Риду) не оказалось ни въ одной изъ библіотекъ, въ которыхъ я бывалъ; его нѣтъ даже въ Британскомъ Музеѣ.

[2]) Geschichte der Lehre von der Association der Ideen, p. 91.

[3]) Краткое, но содержательное резюме взглядовъ на ассоціацію самого Маасса см. у *D. Marcus*'а, Die Associationstheorieen im 18 Jahrh., SS. 25—30.

[4]) Versuch, pp. 329—333.

отъ нѣкоторыхъ нападокъ Гиссмана, но съ своей стороны упрекаетъ за матеріализмъ), Декартѣ (Декартъ не высказалъ прямо законовъ ассоціацій, приписывая связи идей волѣ, случаю и т. д.; кромѣ того, нѣкоторые думаютъ, что ученіе объ ассоціаціяхъ должно было бы противорѣчить Декартовскому дуализму), на Мальбраншѣ, Локкѣ, Лейбницѣ, Вольфѣ, Юмѣ и многихъ другихъ мыслителяхъ 18 в. Воззрѣнія на ассоціаціи Гиссмана Маассъ считаетъ попыткой возобновить въ измѣненномъ видѣ теорію Мальбранша: какъ у Мальбранша, такъ и у Гиссмана ассоціаціи являются результатомъ физіологической связи органовъ тѣла или частицъ организма; только Мальбраншъ обращалъ особенное вниманіе на тѣ ассоціаціи, которыя необходимы для сохраненія и поддержанія жизни организма при данныхъ обстоятельствахъ, въ данной средѣ, и именно эти ассоціаціи сводилъ къ указанному выше источнику,—тогда какъ Гиссманъ объясняетъ этимъ путемъ преимущественно ассоціаціи чувствованій съ ихъ выраженіемъ. Маассъ заканчиваетъ свой историческій обзоръ замѣчаніями о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ нѣмецкихъ мыслителей конца 18 в. (Ирвингъ, Тетенсъ, Тидеманъ, Мейстеръ, Абель, Реймарусъ, Мейнерсъ, Ульрихъ, Федеръ и многіе другіе).

4. Перехожу въ 19 вѣкъ... Въ 1827 г. въ Парижѣ вышла латинская диссертація *Бетоло* [1]) „О соединеніяхъ идей“— вещь, не представляющая теперь интереса: въ ней есть и теоретическія разсужденія, и небольшіе историческіе экскусы (объ Аристотелѣ, Юмѣ), и критическія замѣчанія; но все это довольно скудно и поверхностно.

5. Исторіи ассоціаціонной теоріи посвятилъ также одну изъ главъ своей Biographia litteraria *Кольриджъ*. Однако, глава эта („О законѣ ассоціаціи; его исторія отъ Аристотеля до Гертли“) представляетъ собою не что иное, какъ неоговоренное заимствованіе и искаженіе соотвѣтствующей части въ разобранномъ выше сочиненіи Маасса. Плагіатъ этотъ былъ разоблаченъ, какъ это указываетъ У. Гамильтонъ [2]),

---

[1]) *Bétolaud.* De conjunctionibus idearum. Paris. 1827.

[2]) *Reid's* Works, Notes, p. 890.

профессоромъ Феррьеромъ въ журналѣ Blackwood's Magazine [1]).

6. Большое значеніе для исторіи ассоціаціонной теоріи имѣютъ „Примѣчанія“ сэра У. Гамильтона въ его изданіи сочиненій Рида [2]). Въ Note D** Гамильтонъ излагаетъ свое пониманіе аристотелевскаго ученія объ ассоціаціяхъ, въ которомъ онъ видитъ полное совпаденіе съ его собственнымъ „закономъ рединтеграціи или цѣлостности“. Надо замѣтить, что такое истолкованіе извѣстнаго пассажа изъ De memoria et reminiscentia есть вещь довольно спорная, и Гамильтону приходится прибѣгать къ цѣлому ряду смѣлыхъ поправокъ текста. Однако, и здѣсь въ сноскахъ Гамильтонъ даетъ много очень цѣнныхъ историко-литературныхъ указаній. Слѣдующее „Примѣчаніе“ (Note D***) посвящено изложенію собственнаго ученія Гамильтона объ ассоціаціяхъ, причемъ вторая половина его имѣетъ отрывочный характеръ [3]).

---

[1]) Мартовская книжка 1840 г Вотъ что говоритъ объ этой работѣ Кольриджа У Гамильтонъ, глубокій знатокъ философской литературы: «Работа Кольриджа, поскольку она имѣетъ какую бы то ни было цѣнность, есть плагіатъ—и притомъ безтолковый, переполненный ошибками плагіатъ—у Маасса ошибокъ въ ней больше, чѣмъ фразъ. Насколько компетентенъ Кольриджъ во всемъ, что касается Аристотеля, можно заключить изъ того, что онъ убѣжденъ, будто Аристотель говоритъ о принципахъ ассоціацій въ De anima, будто трактатъ De memoria et reminiscentia можно противополагать совокупности мелкихъ сочиненій Аристотеля, извѣстной подъ названіемъ Parva Naturalia. Кольриджъ приписываетъ далѣе Ѳомѣ Аквинскому то, что относится исключительно къ Аристотелю; утверждаетъ, будто слово «идея» обозначаетъ въ картезіанской философіи просто «конфигурацію мозга» и что этотъ терминъ былъ впервые распространенъ на объектъ вниманія или непосредственнаго сознанія Локкомъ», и т. д. (*Reid*'s Works, p. 890).

[2]) *Reid*'s Works, 8 ed., 1880

[3]) Первое Гамильтоново изданіе Рида осталось неоконченнымъ; текстъ его обрывался какъ разъ на половинѣ этого примѣчанія Въ одномъ изъ слѣдующихъ изданій конецъ этого примѣчанія былъ возстановленъ по отрывочнымъ замѣткамъ, найденнымъ въ бумагахъ Гамильтона послѣ его смерти.

V.

Общіе обзоры исторіи ассоціаціонной теоріи, появившіеся во второй половинѣ XIX в. и позже.

1. Во второй половинѣ XIX в. вышли главные изъ существующихъ историческихъ обзоровъ ассоціаціонной психологіи.

Но прежде чѣмъ говорить о нихъ, я остановлюсь въ нѣсколькихъ словахъ на двухъ работахъ систематическаго характера, но также содержащихъ свѣдѣнія по исторіи ученія объ ассоціаціяхъ. Это интересное сочиненіе Мервуайе и превосходная книга Э. Клапареда, резюмирующая весь накопившійся матеріалъ по точному, экспериментальному изслѣдованію ассоціацій.

Въ 1864 г. вышла докторская диссертація *Мервуайе*, посвященная вопросу объ ассоціаціяхъ [1]) и представляющая собою интересное и талантливое выясненіе роли ассоціацій въ различныхъ группахъ духовныхъ явленій. Большое количество удачно подобранныхъ и скомбинированныхъ выдержекъ изъ сочиненій Д. С. Милля, Бэна и другихъ ассоціаціонистовъ дѣлаютъ изъ этой книги какъ бы резюме ассоціаціонной психологіи XIX в. Объ этой работѣ съ большой похвалой отзывается Д. С. Милль, называя ее able and instructive [2]). Свѣдѣній по исторіи ассоціативной теоріи ранѣе XIX в. въ ней немного.

2. Книга *Э. Клапареда* „Ассоціація идей“ [3]) преслѣдуетъ не историческую цѣль: ея задача систематизировать весь накопившійся экспериментальный матеріалъ по вопросу объ ассоціаціяхъ. И эту свою задачу авторъ выполнилъ съ большой тщательностью и полнотой: онъ собралъ чуть ли не все, что появилось по этому вопросу за послѣдніе 40-50 лѣтъ.

---

[1]) *P. Mervoyer.* Étude sur l'association des idées. Douai. 1864.

[2]) Въ Examination of Sir W. Hamilton's Philosophy, 6 ed., 1889, p. 314, note.

[3]) Dr. *Edouard Claparède.* L'association des idées. (Въ серіи Bibliothèque internationale de psychologie expérimentale, normale et pathologique). Paris. 1903.

Вторая часть его книги посвящена критикѣ психологическаго ассоціаціонизма и указанію роли ассоціаціи въ ощущеніяхъ, памяти, чувствованіяхъ, умѣ и активности. Здѣсь же данъ и краткій историческій и критическій очеркъ теоріи ассоціаціонизма (стр. 305—320)

3. Перехожу теперь къ главнымъ историческимъ обзорамъ ученія объ ассоціаціяхъ — къ работамъ Троицкаго (I часть „Нѣмецкой психологіи"), Рибо, Ферри и Крумъ-Робертсона. На нихъ мнѣ придется остановиться нѣсколько дольше — какъ въ силу ихъ основнаго значенія для нашей темы, такъ и потому, что именно сознаніе неудовлетворительности освѣщенія вопроса въ этихъ сочиненіяхъ опредѣлило выборъ темы моей работы. Особенное значеніе имѣетъ для меня книга Троицкаго какъ въ силу ея достоинствъ, такъ и благодаря ея недостаткамъ. Прежде всего, этотъ общій обзоръ исторіи ассоціаціонной психологіи (первый по времени изъ работъ этого рода) отличается остротою критики, богатствомъ собраннаго историческаго матеріала, попытками (не всегда сознательными) общаго, философскаго освѣщенія вопроса и послѣдовательнымъ проведеніемъ черезъ все сочиненіе извѣстныхъ, опредѣленныхъ точекъ зрѣнія. Самыя односторонности работы полезны тѣмъ, что онѣ приближаютъ рѣшеніе вопроса, ставя его рѣзко и отчетливо. Къ тому же, сочиненіе Троицкаго представляетъ оригинальную русскую работу, почти единственную въ нашей литературѣ по исторіи ассоціаціонной школы. Наконецъ, появленіе этой книги вызвало у насъ оживленную критику и движеніе среди русскихъ психологовъ, такъ что она тѣсно связалась съ извѣстнымъ фазисомъ развитія научной мысли въ нашемъ отечествѣ.

Какъ извѣстно, диссертація Троицкаго [1]) не простое историческое изслѣдованіе,—она имѣетъ цѣлью пропаганду на-

---

[1]) Выше я уже указалъ на критическія статьи о ней Гогоцкаго, Владиславлева и Сидонскаго Перечислю здѣсь остальныя рецензіи этой книги: Н. П. Страховъ «Англійская психологія» (Отечеств. Записки 1867 г., первая октябрьская и вторая декабрьская книжки), К. Д. Кавелина «Нѣмецкая современная психологія» (Вѣст. Европы, январь 1868 г.), еп. Никанора—39-я и 40-я главы I тома соч. «Позитивная философія и сверхчувственное бы-

стоящей, *научной психологіи*, какъ таковую понимаетъ авторъ, и опроверженіе психологіи фальшивой, ложной. А такъ какъ результаты всякой науки зависятъ отъ примѣняемыхъ въ ней методовъ, то авторъ ставитъ себѣ и задачу *критики методовъ* психологическихъ изслѣдованій. И даже эта методологическая проблема выдвинута въ диссертаціи Троицкаго на первый планъ.

Таковы цѣли Троицкаго; таковы задачи, которыя онъ себѣ поставилъ... Какъ же онъ ихъ выполнилъ? Детальная критика уже выяснила увлеченія и ошибки автора въ отдѣльныхъ пунктахъ и показала, что онъ былъ не безпристрастенъ къ нѣмецкой психологіи, что онъ не выяснилъ какъ слѣдуетъ ея основныхъ тенденцій, ея главныхъ задачъ. Но эта критика оставила въ тѣни рядъ другихъ пунктовъ, изъ которыхъ одна часть лежитъ даже въ основѣ замѣченныхъ недостатковъ диссертаціи. Ихъ я и коснусь сейчасъ.

Первый изъ нихъ касается метода. Черезъ все сочиненіе Троицкаго проходитъ мысль о превосходствѣ „индуктивнаго". „опытнаго" метода, примѣняемаго въ англійской школѣ, надъ методомъ, схоластически-силлогистическимъ", „раціоналистическимъ", которому слѣдуютъ нѣмецкіе мыслители. Авторъ даетъ двѣ параллельныхъ картины состоянія психологической науки въ двухъ странахъ Зап. Европы: въ Англіи и въ Германіи (и тамъ и здѣсь до 60-хъ годовъ XIX в.). И насколько велики результаты, добытые англійской психологіей, настолько сбивчивы и противорѣчивы психологическія теоріи нѣмецкихъ мыслителей „Въ Германіи мы наблюдали до сихъ поръ, говоритъ Троицкій, одну непрерывную смѣну разнообразныхъ системъ, построенныхъ для разъясненія глубокихъ явленій духа.... Только въ Англіи, со временъ Бэкона и Локка, упорно работаютъ въ однообразномъ направленіи"... И причину успѣховъ англійской психологіи авторъ видитъ въ томъ, что англійскіе мыслители „давно при-

---

тіе» (Спб. 1875) См. также главу о Троицкомъ въ указанномъ выше сочиненіи г Вержболовича «Обзоръ главнѣйшихъ направленій русской психологіи» и статьи о Троицкомъ А. С. Бѣлкина и В. Н. Ивановскаго (Вопросы философіи и психологіи, 2-я книжка за 1900 г.).

няли, какъ единственно здравую и успѣшную методу изслѣдованія духа, методу индуктивную". Соотвѣтственно такому взгляду, авторъ посвящаетъ „успѣхамъ психологической методы въ Англіи" цѣлыхъ четыре главы. И обратно, блужданія психологической мысли въ Германіи авторъ объясняетъ отсутствіемъ у нѣмецкихъ психологовъ здравой методологіи.

По поводу этой попытки поставить развитіе психологіи въ зависимость отъ примѣненія тѣхъ или другихъ *логическихъ* методовъ можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Во-первыхъ, для всякаго, изучавшаго исторію философіи, ясно, что дѣло не въ логическихъ методахъ самихъ по себѣ, какъ таковыхъ, а въ чемъ-то другомъ. Дѣло не только въ томъ, беру ли я за основу единичные, „конкретные" факты, а въ томъ, *что я считаю такими единичными фактами*, повторяемость которыхъ позволяетъ мнѣ начать съ нихъ „индукцію"—установить общее положеніе, единообразіе, законъ. Я могу, работая только „индукціей", счесть „фактомъ" рѣшительно все, противъ чего такъ возстаетъ Троицкій: и способности духа въ видѣ особыхъ „дѣятелей", и реальное сохраненіе представленій въ памяти „въ темномъ видѣ" (память, какъ хранилище представленій—„голубятня"), и проч. Дѣло, значитъ, не въ логическомъ методѣ—*не въ логикѣ, а въ критикѣ основныхъ понятій психологіи*—въ томъ трудномъ и сложномъ процессѣ, для выполненія котораго приходится ставить всѣ важнѣйшіе *чисто философскіе* вопросы, каковы вопросы о субстанціи, сознаніи, реальномъ бытіи, о времени, опытѣ и т. д. Только критическое разсмотрѣніе этихъ вопросовъ можетъ привести насъ къ тому, что составляетъ истинную славу всей англійской философіи и къ чему, несомнѣнно, именно она, англійская философія, указала путь философіи другихъ народовъ—къ *чистому опыту*.

Дѣйствительно, возьмите большую часть тѣхъ ученій, которыя Троицкій ставитъ въ особую заслугу „англійской психологіи",—ученія о происхожденіи идей времени, пространства, матеріи и внѣшняго міра, „я", сознанія; возьмите всю полемику противъ мысли о томъ, что духъ можетъ находиться одновременно болѣе чѣмъ въ одномъ состояніи: а именно. 1) имѣть психическія состоянія, 2) сознавать ихъ 3) относить ихъ съ своему „я", „самосознавать",—и вы увиди-

те, что во всемъ этомъ суть дѣла вовсе не въ „индукціи“, а въ критикѣ опыта, его анализѣ, расчлененіи, установленіи его генезиса изъ элементовъ и опредѣленіи характера и значенія этихъ элементовъ. Настоящая слава англійской психологіи не въ логикѣ, не въ слѣдованіи „индуктивному“ методу, а въ созданіи идеи теоріи познанія и понятія „чистаго опыта“.

Что это такъ, видно еще и изъ того, до какой степени бѣдны и, прямо сказать, незначительны предписанія собственно „индуктивной“ части психологическаго метода—въ той его высшей формѣ, какую ему придалъ Д. С. Милль. Дѣйствительно, что такое тѣ знаменитые четыре метода экспериментальнаго изслѣдованія, которые установилъ Милль и на которые ссылается Троицкій въ заключительныхъ словахъ отдѣла о „Психологической методѣ“?... „Единственно возможныя методы психологической экспериментаціи, говоритъ Троицкій, и, слѣдовательно, единственно возможныя научныя методы открытія всѣхъ элементарныхъ законовъ человѣческаго духа, суть обыкновенныя методы экспериментальной физики: метода согласія, метода разности, метода остатковъ и метода сопутствующихъ измѣненій“ [1]). Вотъ и все, что можетъ дать у Троицкаго *логика* для того метода, который онъ самъ называетъ „индуктивнымъ“. Сознаніе полной недостаточности этихъ руководящихъ принциповъ заставляетъ Троицкаго предпослать этому скудному, собственно логическому канону другое требованіе, имѣющее иной характеръ. А именно, „изслѣдуя основныя однообразія преемства или законы духовныхъ явленій, психологія разлагаетъ сложные случаи послѣднихъ на ихъ элементарныя предыдущія и послѣдующія путемъ простого наблюденія и опредѣляетъ взаимную связь предыдущихъ и слѣдствій путемъ экспериментаціи, т. е. замѣчаніемъ ихъ отношеній при измѣненныхъ обстоятельствахъ“. Не останавливаясь на окончаніи этой фразы, составляющемъ переходъ къ изложенному нами выше собственно логическому канону, возьмемъ остальное ея содержаніе. Что представляютъ собою такія понятія, какъ „однообразіе преемства или законъ“,

---

[1]) Нѣмецкая психологія, 2-е изд., Т. II, 169

„духовное явленіе“, „предыдущія и послѣдующія и ихъ связь“? откуда они получены? путемъ „индукціи“?... Конечно, нѣтъ. Все это результаты философской критики понятій—положенія той дисциплины, которая соприкасается и съ психологіей, и съ метафизикой и которая называется „теоріей познанія“. И за каждымъ изъ перечисленныхъ выше терминовъ стоятъ долгіе и сложные процессы анализа, не имѣющіе ни специфически индуктивнаго, ни нарочито силлогистическаго характера.

Чтобы сдѣлать болѣе очевиднымъ наше утвержденіе, разберемъ историческіе экскурсы Троицкаго въ область психологической методологіи, начиная со схоластики.

Удивительно, до какой степени авторъ не считается съ фактами въ своемъ отчетѣ о методѣ схоластиковъ. По его изложенію, схоластики пришли къ признанію „безусловныхъ и неизмѣнныхъ началъ всей науки“ постепенно, ища все болѣе и болѣе общихъ „большихъ посылокъ для своихъ силлогизмовъ“ Силлогизмъ, говоритъ Троицкій (стр. 12 и сл.) долженъ быть непреодолимымъ научнымъ аргументомъ или доказательствомъ Но часто большая или меньшая посылка такого аргумента могли представляться вещью спорною,—и тогда требовался новый силлогизмъ или новый аргументъ для укрѣпленія спорныхъ положеній перваго, а иногда и третій силлогизмъ—для подкрѣпленія второго, четвертый—для подкрѣпленія третьяго и т. д. Однако, цѣпь эта не могла быть безконечной: по „схоластической теоріи силлогизма“, въ совершенномъ силлогизмѣ или аргументѣ заключеніе идетъ отъ общаго къ частному; слѣдовательно, новые силлогизмы или аргументы, должны были своими посылками имѣть положенія болѣе общія, чѣмъ посылки усиливаемаго ими силлогизма. А такимъ путемъ „мы должны придти къ положеніямъ столь общимъ, что всякая попытка отыскать еще болѣе общія окажется безплодною. Значитъ, мы дойдемъ до положеній не сравнительно, а безусловно общихъ— *всеобщихъ*, *универсальныхъ*. На нихъ, значитъ, опирается въ концѣ и вся научная аргументація; это твердыя исходныя точки всего научнаго мышленія; это безусловныя и неизмѣнныя *начала* всей науки“...

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ исторіей средневѣковой мысли, знаетъ, что на самомъ дѣлѣ процессъ шелъ не такъ. Признаніе схоластиками извѣстныхъ безуслов-

ныхъ и неизмѣнныхъ началъ было слѣдствіемъ не ихъ ошибочной *логической* рефлексіи, а реальной *культурной* дѣйствительности. Философія была ancilla theologiae,—и къ признанію безусловныхъ и неизмѣнныхъ началъ схоластики *не приходили постепенно отъ логики*, а изъ него исходили, потому что эти начала были даны религіознымъ *авторитетомъ*. Схоластики не смѣли и не хотѣли выходить изъ-подъ власти своихъ авторитетовъ. Абеляра только за сопоставленіе противорѣчивыхъ свидѣтельствъ Писанія и отцевъ церкви въ сочиненіи Sic et non осудили, какъ еретика; а лѣтъ черезъ 50 послѣ этого пантеисты Давидъ изъ Динанта и Амальрикъ изъ Бенна съ ихъ послѣдователями были сожжены за свои ученія. Троицкій объясняетъ потребностями логическихъ теорій то, что становится понятнымъ только въ свѣтѣ культурной исторіи. Ибо, разъ авторитеты давали непререкаемыя положенія, ясно, что на долю ученыхъ оставалось силлогистически аргументировать *отъ этихъ положеній*, подводя подъ нихъ конкретный матеріалъ. Объясненіе „логикой“ страдаетъ, наконецъ, и тѣмъ, что оно не можетъ сказать, *почему* схоластики создали тѣ, а не иныя „начала“. Почему, напр., явились такія-то положенія „ангелографіи“ или богословія (стр. 16)? Ясно, что объясненіе Троицкимъ образованія схоластическихъ „безусловныхъ и неизмѣнныхъ началъ всей науки“ невѣрно.

Невѣрно также и дополнительное указаніе Троицкаго, будто бы „схоластики, въ своихъ предположеніяхъ объ общихъ началахъ, руководились всего больше показаніями математики, такъ какъ, повидимому, въ этой наукѣ всѣ частныя истины добываются путемъ аргументаціи изъ нѣсколькихъ ни откуда не выводимыхъ аксіомъ“ (стр. 20). Математикой схоластики интересовались и занимались очень мало, и конечно, не она, а богословіе наложило свой отпечатокъ на ихъ логическія и психологическія теоріи.

Преувеличеніе значенія чисто логическаго момента „индукціи“ въ ущербъ культурно-историческому и критико-философскому сказалось и на томъ, что авторъ говоритъ о Бэконѣ. Только съ точки зрѣнія Троицкаго, можно было поставить во главѣ всего развитія психологическаго метода Фр. Бэкона. Но разъ держаться того убѣжденія, что сущность особаго метода англійской „психологіи“ не въ индукціи, а

въ философской критикѣ, то во главу угла надо будетъ поставить, конечно, не Бэкона, а всего скорѣе Локка. А если искать истинныхъ предшественниковъ Локка, то таковыми придется признать не Бэкона, а Декарта съ его школой, Гоббза и естествоиспытателей XVI и XVII вѣковъ. И это потому, что именно Локкъ (при всѣхъ колебаніяхъ его философскихъ воззрѣній) впервые болѣе или менѣе систематически провелъ критическій принципъ, что именно онъ положилъ основы критики и теоріи познанія.

Каково же было отношеніе Локка (а также и всѣхъ послѣдующихъ англійскихъ мыслителей) къ „индуктивному методу"? Правда ли, что ихъ успѣхи объясняются тѣмъ, что они твердо держались этого метода? Такъ думали многіе изъ нихъ сами; но въ наше время ясно, что они ошибались. Конечно, ихъ изслѣдованія не „силлогистически-дедуктивны"—въ томъ смыслѣ, что свои теоріи они не выводили ни изъ какого авторитета: ни изъ св. Писанія, ни изъ Аристотеля, какъ это дѣлала средневѣковая наука. Но эти ихъ теоріи и не „индуктивны" – въ смыслѣ Бэкона. въ смыслѣ постепеннаго перехода отъ частныхъ фактовъ ко все болѣе и болѣе общимъ принципамъ. Методъ „эмпирической психологіи" вовсе не носитъ на себѣ никакого специфически „индуктивнаго" характера; въ его созданіи огромное значеніе имѣли метафизическія и теоретико-познавательныя изслѣдованія, носившія неизбѣжно *гипотетическій* характеръ, а также обще-культурныя тенденціи и постулаты новой науки, подсказывавшіе тѣ, а не иныя теоріи, предположенія и аналогіи [1]).

Несомнѣнно, что создатели эмпирической психологіи выражали въ своихъ теоріяхъ результаты своихъ личныхъ наблюденій и переживаній—свой частный опытъ,—и въ этомъ смыслѣ корни этой психологіи лежатъ, конечно, въ единичныхъ, частныхъ фактахъ психической жизни. Но это еще не „индукція"; этотъ методъ называютъ нѣсколько неопредѣленнымъ терминомъ „эмпиризмъ"; а съ другой стороны онъ сводится на „независимость отъ авторитетовъ", „довѣріе къ своему разуму", „чувство конкретной дѣйствительности", и т. п. Самыя же

[1]) Совершенно правильную мысль объ особо важномъ значеніи «предположеній» въ созданіи психологической науки высказываетъ Сидонскій въ рецензіи на диссертацію Троицкаго.

теоріи слагались и развивались очень часто посредствомъ аналогій, гипотезъ, постулированія тѣхъ или другихъ общихъ принциповъ. къ которымъ опытъ только, такъ сказать, указывалъ дорогу. Таковъ, напр., локковскій принципъ души, какъ „бѣлой бумаги"; таковы же и всѣ тѣ соображенія о природѣ духа, которыя развиваетъ Троицкій и которыя имѣютъ, конечно, не какой-либо особый „индуктивный" характеръ, а представляютъ собою результаты извѣстныхъ гносеологическихъ и даже метафизическихъ изслѣдованій. Затѣмъ изъ этихъ принциповъ психологами-эмпириками дедуцировались ихъ слѣдствія, и какъ эти принципы, такъ и выведенныя изъ нихъ положенія прилагались къ объясненію различныхъ категорій психологическихъ фактовъ. Все это совершенно законные научные методы; но ничего спеціально „индуктивнаго", въ смыслѣ постепеннаго перехода отъ частныхъ случаевъ къ общимъ положеніямъ, тутъ нѣтъ.

Благодаря такому смѣшенію, у Троицкаго въ отдѣлѣ о „Психологической методѣ" все время перекрещиваются двѣ струи: одна—логическая, видящая особенность англійской психологіи въ „индукціи", и другая, о которой авторъ фактитески вынужденъ говорить, но для которой у него нѣтъ особаго названія,—струя теоретико-познавательная, критико-философская.

Отъ вопроса о методѣ перейдетъ къ вопросу о самомъ содержаніи англійской психологіи. Психологію эту не даромъ называютъ (какъ, напр., Эд. Гартманъ въ „Современной психологіи") „чистой психологіей сознанія". Особенно хорошо подходитъ этотъ терминъ къ воззрѣніямъ самого Троицкаго, какъ они изложены въ „Наукѣ о духѣ". И съ такимъ же основаніемъ „чистую психологію сознанія" считаютъ чѣмъ-то если не совпадающимъ съ теоріей познанія, то очень къ ней близкимъ. Дѣйствительно, въ такъ называемой „англійской психологіи" гносеологическій элементъ [1]) чрезвычайно силенъ. Я уже указывалъ на то, что именно гносеологическій характеръ

[1]) Ниже я постараюсь точнѣе опредѣлить, что я разумѣю подъ «гносеологіей»—въ ея отличіи отъ психологіи, и укажу детальнѣе ея задачи.

носятъ ея изслѣдованія о природѣ духа, сознанія, объ опытномъ и неопытномъ элементѣ психики, о воспріятіи внѣшняго міра, о матеріи, времени, пространствѣ т. д. И посмотрите, какую значительную часть нѣкоторыхъ изъ сочиненій по такъ называемой „эмпирической“ психологіи составляютъ такого рода изслѣдованія! Можно прямо сказать, что въ нихъ мы находимъ не психологію, какъ одну изъ спеціальныхъ наукъ, а попытки общефилософской теорій познанія—съ неизбѣжнымъ для таковой гипотетическимъ элементомъ, съ анализомъ основныхъ понятій, съ критикой идеи о возможности метафизики, какъ познанія „сущностей“, и т. д. [1]).

Надо замѣтить, что сами англійскіе мыслители не сознаютъ того, что ихъ теоріи суть не столько „психологія, какъ одна изъ спеціальныхъ наукъ“, сколько именно философская теорія знанія. Никто изъ нихъ не установилъ отчетливой границы между этими двумя элементами ихъ ученій, и этимъ объясняются какъ многія противорѣчія въ ихъ теоріяхъ, такъ и значительная часть направленныхъ противъ нихъ возраженій.

Противорѣчія эти въ общемъ извѣстны. Извѣстны колебанія въ ученіи о познаніи Локка. Извѣстно, что Юмъ, сводящій все наше познаніе на „перцепціи“, разсмотрѣніе важнѣйшаго класса этихъ перцепцій: а именно впечатлѣній, предоставляетъ скорѣе анатомамъ и естествоиспытателямъ, чѣмъ нравственной наукѣ, [2]) —какъ будто анатомы и естествоиспытатели занимаютъ въ этомъ отношеніи какое-то привилегированное положеніе и могутъ выйти за предѣлы „перцепцій“. Подобныя противорѣчія можно найти у Д. С. Милля. Точно такъ же и Бэнъ, начинающій свою „Психологію“ (I часть его сочиненія Mental and moral Science) рѣшительной формулой гносеологическаго идеализма: все, что человѣкъ знаетъ, испытываетъ или сознаетъ, распадается на два большіе отдѣла, которые въ обычномъ языкѣ

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ я укажу на этотъ элементъ у отдѣльныхъ мыслителей.

[2]) The examination of our sensations belongs more to anatomists and natural philosophers than to moral (Treatise, Book I, Part I, sect. 2).